

Шторм, что бушевал как сумасшедший, был беспристрастен, словно судья-новичок: он одинаково хлестал ветром с дождем как меня, полицейского, так и серийного убийцу Жнеца.

Вскинув револьвер М60, я взглянул на противника. Из-за косых струй дождя видимость упала почти до нуля, и лишь Жнец в алом галстуке, словно подобранном под цвет возвышавшегося позади маяка, был прекрасно различим. Мы стояли лицом к лицу на расстоянии около десяти метров. С этой дистанции я даже с закрытыми глазами мог бы оставить на его груди такое же алое украшение, как его галстук, просто нажав на спусковой крючок. Настолько я был уверен в своих навыках стрельбы.

— На колени, руки за голову!

Чтобы прорваться сквозь бушующий ветер, приходилось кричать изо всех сил. Вокруг все озарилось и засверкало: это ударила молния, а затем гром грянул в небе, словно барабанщик, отвечающий за кульминацию шоу. Шторм был ужасен. Гонимые ветром волны перекатывались через волнорез. Даже если бы я рискнул воспользоваться

такой роскошью, как зонтик, штаны все равно бы вымокли из-за окатывающих нас волн.

Жнец был непоколебим. Он оказался в положении загнанной в угол крысы, но, несмотря на это, не подавал виду, что напуган, и ни о чем не умолял. Лишь стоял и улыбался. Это зрелище так меня раздражало, что я снова закричал:

— Все кончено! Сдавайся немедленно!

— Знаешь, что чаще всего говорят люди перед смертью? — спросил Жнец.

Его голос звучал равнодушно. Он словно спрашивал, знаю ли я, что он ел сегодня на обед.

У Жнеца не имелось никаких тузов в рукаве. Он был художав, носил рубашку с галстуком, как какой-нибудь клерк. На самом деле Жнец работал инженером, но это ничего не меняло — и инженер не сможет остаться целым и невредимым, если в него попадет пуля. И все равно он вел себя чертовски расслабленно. Это действовало мне на нервы. Он ведь был уникальным серийным убийцей, которого в прессе прозвали «ГЕНИЕМ УБИЙСТВ». Как бы там ни было, я не сомневался, что он куда опаснее обычного клерка, на которого так походил.

Я снял револьвер с предохранителя, готовясь выстрелить, если придется. Ничего не случится, если попаду ему в ногу. Даже охромев, он сможет без проблем стоять на суде.

Жнец улыбнулся. Эта улыбка казалась дружелюбной и нежной. Обезоруживающей. Любой при виде ее утратил бы бдительность.

— Если ты думал, что я буду умолять оставить меня в живых, ты ошибся. Все без исключения, кого я убивал, твердили одно: «Прошу, убей меня поскорее. Прошу, пусть мне станет легче», — произнес Жнец с неизменной улыбкой на лице.

Ветер шумел в ушах, но его слова я расслышал на удивление хорошо. Вдруг мне вспомнилась чья-то фраза: «Дьявол никогда не говорит громко, он всегда сладко нашептывает на ухо».

Дьявол.

Для характеристики Жнеца не подобрать более точного слова. Даже описание дьявола, хранившееся в скудных глубинах моей памяти, полностью с ним совпадало. Любой, кто видел или расследовал хотя бы одно из двадцати одного убийства Жнеца, дал бы такое определение дьявола.

Жнец — это дьявол, а дьявол — это Жнец.

За последние два года случаи убийства произошли один за другим в Сеуле, Инчхоне и провинции Кёнгидо. Преступник не делал никакого различия между мужчинами и женщинами, и возрастной диапазон также был широким. Среди жертв были как девушка чуть старше двадцати, так и старик за семьдесят...

Между убитыми не прослеживалось совершенно никакой связи. Они жили в разных местах, их работа, хобби и прочая деятельность различались. Конечно, причин убивать их тоже не было. Способы убийства также отличались разнообразием. Единственной и притом пугающей общей чертой преступлений оставалось то, что все жертвы умирали медленно и мучительно. Кто-то задыхался в течение двух часов, оказавшись в ловушке в прозрачной трубе, из которой постепенно уходил воздух, а кого-то, связав по рукам и ногам, бросили на съедение нескольким сотням крабов.

Это была зацепка.

Садистский метод убийства, который обычный человек не смог бы даже представить. Именно действия, сосредоточенные исключительно на причинении сильной боли, указывали на серию убийств.

Преступник — мужчина в возрасте от 30 до 40 лет, одинокий, с высшим образованием, с высокой вероятностью имел техническую специализацию или работал в смежной области. Учитывая не крупное телосложение жертв, не похоже, что он обладал большой физической силой. Он был скорее худым, чем толстым. Внешне казался спокойным, деликатным и внимательным, но те, кто хорошо его знал, могли бы сказать, что он на редкость упрям. Судимости у него не было. Скорее всего,

он никогда не платил даже небольших штрафов. Обладал одновременно психопатическими и социопатическими наклонностями. Имел хорошее финансовое положение. Жил в частном доме или же имел квартиру в престижном здании в пригороде.

Все это — характеристики преступника, на которых сошлись пять профайлеров, включая меня, и три криминальных психолога.

На тот момент насчитывалось уже пятнадцать жертв. Пятнадцати случаев оказалось слишком мало, чтобы назвать кого-то определенного, но достаточно, чтобы начать его ненавидеть.

Полицию больше всего озадачили не тщательно продуманные, выверенные методы убийств и не механические устройства, сделавшие их возможными. Убийца не оставил своего почерка ни на одном из пятнадцати мест преступлений. Ветераны-профайлеры сетовали, что для того, кто явно действует напоказ, такое отсутствие индивидуального почерка крайне нехарактерно.

Я был не согласен с этим мнением:

— Он точно должен был что-то оставить. Просто мы не можем это найти. Ни за что нельзя прекращать поиски его следов.

— Разве мог дьявол оставить следы? — спросил меня криминальный психолог.

Мы были знакомы уже давно, но я впервые видел его настолько мрачным и отчаявшимся.

— Мы должны надеяться, что это не дьявол. Только тогда мы сможем его арестовать.

На мои слова не последовало никакой реакции. Может быть, мы проиграли уже тогда. Раздавленные его злобой.

Преступник раскрыл свои мотивы в прямом эфире после того, как произошел шестнадцатый инцидент:

— Я Жнец. Тот, кто пожинает урожай. Я начал эту благородную миссию, чтобы раз и навсегда избавить этот мир от плевел¹, — сказал он, позвонив лично в программу дебатов в прямом эфире. А затем мягко добавил, как машинист метро, который во время пути объявляет остановки и рассказывает о погоде текущего дня: — Никто не сможет меня поймать. Я никогда не оставляю это священное дело. Неизвестно, в какой момент я приду в ваши дома и позвоню в дверь. Так что готовьтесь.

Так что готовьтесь.

Одна фраза, брошенная Жнецом, повергла в страх всю страну.

¹ Отсылка к притче о добром семени и о плевелах, содержащейся в Евангелии от Матфея: «Сеющий доброе семя есть Сын Человеческий; поле есть мир; доброе семя — это сыны Царствия, а плевелы — сыны лукавого; враг, посеявший их, есть диавол; жатва есть кончина века, а жнецы суть Ангелы». — *Здесь и далее примеч. пер.*

Я своими ушами слышал его голос, сидя в зале прямой трансляции программы дебатов. Потому что я был одним из участников. Пока я сидел, разглагольствуя о личности преступника, его целях, мотивах и прочих бесполезных вещах, он сам связался с нами. В ту же секунду, как я услышал голос человека, назвавшегося Жнецом, я был убежден, что это убийца. В этом не было никакого профайлинга или логических рассуждений. Это было предчувствие. Каждая нервная клетка моего тела вопила об этом.

Он и был преступником.

В ночном небе, словно разрывая его, сверкнула молния, а затем прогремел гром, сотрясая все вокруг. Дождь стал настолько сильным, что удары его струй по лицу причиняли боль. Шторм бушевал в море у инчхонского пирса Ёнан уже три часа, а сейчас стремительно двигался к апогею. Красный маяк, стойко выдерживающий порывы неистового ветра, наблюдал за кончиной дьявола. Жнецу некуда было бежать. Позади него — маяк, а с обеих сторон — волнорезы. Это был тупик. У Жнеца оставалось два варианта. Нет, три. Послушно позволить себя арестовать, получить пулю или

броситься в море. Ни один из них его, разумеется, не устраивал, но Жнец не выглядел ни нервным, ни испуганным.

Я медленно приблизился, направляя на него пистолет. Если быть до конца честным, мне хотелось выпустить пулю в лицо этого человека с нагло поднятой головой. Я представлял это много раз. Все то время, когда я отчаянно пытался поймать его, когда неделями не ночевал дома, когда коллеги, устав от моей одержимости, кричали мне остановиться, когда жена схватила дочь и уехала к родителям, пытаюсь сбежать от царившего вокруг кошмара, я всегда прокручивал в голове одну и ту же сцену. Пуф! Я представлял себе, как нажимаю на спусковой крючок и посреди его лица возникает огромная дыра...

— Хочешь, угадаю, о чем ты сейчас думаешь? Наверняка хочешь немедленно меня прикончить. Не так ли? — сказал Жнец, широко распахнув руки, словно приглашал себя схватить.

На его лице все еще оставалась эта чертова улыбка. Я был готов даже стать монстром, лишь бы стереть ее. Разве жена не говорила мне об этом? Еще до того, как уехала в родительский дом, сделав бесконечно грустное лицо: «Ты ведь сам превращаешься в монстра, пытаешься поймать этого дьявола».

Я не ответил на вопрос Жнеца, не собирался поддаваться на его провокации. Однако я сосре-

доточился на каждом его действии. Я смотрел на него, фиксируя все в голове. Это было истинное лицо Жнеца. Дьявол не прячется и не боится. Дьявол не чувствует боли. И, конечно же, не терзается чувством вины. В таком случае... Есть ли вообще смысл ловить его, чтобы заставить предстать перед судом?

Вопросы, зарождавшиеся у меня все то время, пока я преследовал Жнеца, превратились в огромную волну и ударили в голову. Эта волна была гораздо мощнее и ощутимее, чем настоящие волны, а затем исчезла, оставив после себя странную пену.

Нет. Сейчас нужно сосредоточиться на его аресте.

Об этом я думал, стискивая зубы и пытаюсь отмахнуться от нахлынувших вопросов. Хотя бы ради его жертв и их семей я должен был передать Жнеца суду. Только тогда я смогу сообщить всему миру, что он не настоящий дьявол, а всего лишь ничтожный человек.

— Чо Ёнджэ. На колени, руки за голову!

Настоящее имя мерзавца по прозвищу Жнец, которое он сам себе выбрал, было Чо Ёнджэ. Кажется, если я буду звать его этим совершенно обычным именем, его дьявольская оболочка спадет.

Жнец, наблюдая за мной, медленно опустился на колени. Но все равно не прекратил болтать. Он

действительно принадлежал к преступникам-показушникам.

— Вынужден признать, само то, что ты меня нашел, уже заслуживает уважения, инспектор Чхве Сынджэ. Или, может, мне следует называть тебя «самым раскрученным профайлером страны»? Но ты все равно в конце концов проиграешь.

В душе мне хотелось излить все, что было внутри, на этого мерзавца. Я хотел выпустить из своего сердца гнев, чтобы он обрушился на Жнеца дождем. Я хотел сказать с изрядной долей насмешки, как легко было поймать уroda вроде него и как все-таки ужасно приятно смотреть на то, как он встал передо мной на колени. Но я сдержался. Собрав в кулак все свое терпение, я сдерживался снова и снова. Я снял с пояса наручники.

Но в этот момент...

Мобильный телефон во внутреннем кармане моей куртки громко завибрировал. Я попросил начальство прислать подкрепление и потому решил, что это мог быть тот самый звонок. Я немедленно достал мобильный.

«Невозможно отобразить номер вызывающего абонента».

На экране высветилось только это. Что это за звонок? Я пристально уставился на телефон, почему-то предчувствуя неладное. На экран мобильно-

